

Станицкий [С. В. фон Штейн] О Бальмонте // Последние известия. 1921. 13 июля. No 169. С. 4.
Русская литература, No 3, 2004

[OCR Бычков М.Н.](#)

Я видел Бальмонта в последний раз ровно год тому назад, когда, покинув советскую Россию, он проезжал через наш Ревель и задержался тут в ожидании дальнейших виз.

Большой перерыв был перед этим в наших встречах -- и я невольно сравнивал того Бальмонта, которого знал прежде, с тем, которого видел перед собою теперь.

Печать тягостной измученности лежала на его лице, и весь он казался еще во власти темных и скорбных переживаний, уже покинутых в стране бесправья и зла, но сполна еще не избытых им.

И здесь, где все мы, несмотря на близость роковой границы, привыкли дышать свободно и говорить, не боясь, все, что думаем, он чувствовал себя, по-видимому, далеко не спокойно.

Боязливая тревога сказывалась в его речах и движениях: словно не верилось ему, что он -- уже на воле, а то, что осталось за его спиною, отошло для него в область неповторимых кошмаров...

Теперь он -- в Париже, и ожесточенные обличения стали складываться вокруг его имени. Наемные перья советских официозов и полу официозов не перестают клеймить его, как лукавого обманщика.

Говорят, что он ценою лжи добился для себя свободы. Ставят ему в вину, что он употребил во зло доверие советской власти, великодушно отпустившей его на Запад, -- для изучения революционного творчества народных масс.

А вероломный Бальмонт не думает -- ни выполнять заданный ему в совдепии урок, ни возвращаться из милостиво разрешенной ему командировки.

С достоинством и спокойно отвечал Бальмонт на все эти упреки. Но в них стоит вдуматься, чтобы лишний раз прочувствовать прелесть советской этики -- чисто каннибальского пошиба.

Поэт Бальмонт, все существо которого протестует против советовластия, разорившего его родину и каждый день убивающего ее мощный, творческий дух в малейших его проявлениях, обязан свято держать свое слово, данное насильникам-комиссарам и чрезвычайкам.

Но эти же принципы нравственного поведения отнюдь не являются руководящими для советской власти и ее агентов.

Убивать парламентариев, расстреливать из пулеметов беззащитных женщин и детей, казнить голодною смертью десятки тысяч ни в чем не повинных людей, -- все это, конечно, по мнению "товарищей-большевиков", -- ничто в сравнении с нарушением обещания Бальмонта вернуться в коммунистический эдем Ленина, Бухарина и Троцкого.

Жутко становится при мысли об одной возможности высказывать подобные суждения.

Вопрос о нравственном праве в связи с уходом Бальмонта из советской России под предлогом литературной командировки представляется для меня в совершенно иной плоскости, нежели для коммунистических его обвинителей.

Я спрашиваю: имел ли Бальмонт право не использовать представившейся ему возможности уйти без оглядки за границу.

И на это я сам себе отвечаю: нет, он не имел на это права.

Для заурядного человека уход из советской России равносителен перемене звериных условий существования на человеческие -- и только.

Для Бальмонта -- царя современных русских поэтов -- переселение на Запад открывало возможность дальнейшего творчества во славу русской литературы, на радость тем, кто не утратил способности стремиться душою навстречу солнечным лучам его вдохновенной поэзии.

Каждый из нас принадлежит самому себе, Бальмонт -- себе, но еще в большей степени своей несчастной родине, и нити, связующие ее с вещим духом гениального поэта, не утратятся никогда...

Не сам ли он сказал: